

АЛЛА ЛАРИНА

A family of four is posed for a winter vacation. The father, on the left, has a beard and is wearing a dark grey parka with a fur-lined hood. The mother, on the right, has long brown hair and is wearing a bright orange parka over a white turtleneck. In the foreground, two young children are wearing matching orange ski suits, black helmets with goggles, and holding skis. They are all smiling at the camera. The background shows a snowy mountain landscape with evergreen trees and small wooden chalets with warm lights glowing from their windows.

ПОСЛЕ РАЗВОДА

ВЕРНУТЬ СЕМЬЮ НА

Новый год

Всё не так, как кажется (читаются отдельно)

Алла Ларина

**После развода. Вернуть
семью на Новый год**

«Автор»

2026

Ларина А.

После развода. Вернуть семью на Новый год / А. Ларина —
«Автор», 2026 — (Всё не так, как кажется (читаются отдельно))

Новый год. Я только что родила. Муж не встречает меня из роддома с сыновьями и не появляется дома, свекровь закатывает скандалы, жизнь летит ко всем чертям, а потом от меня требуют согласиться на развод. И вот я уже мама-одиночка с двумя детьми. Но я справилась. Я растила сыновей и научилась жить, не ожидая ни от кого помощи. Вот только спустя несколько лет в очередной новый год наша спокойная жизнь снова переворачивается с ног на голову.

© Ларина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	25
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алла Ларина

После развода. Вернуть семью на Новый год

Глава 1

– Кир, я не смогу тебя встретить, – говорит муж.

Я растерянно моргаю, улыбка сползает с лица. В трубке шуршит связь, где-то рядом на посту стучит по клавишам медсестра, а у меня на груди тёплым тяжёлым комочком спит один из малышей. Второй лежит в прозрачной люльке у стены, обиженно сопит и время от времени вздрагивает во сне.

– Ты... что? – голос выходит хриплым, мне приходится откашляться. – Кирилл, ты о чём? У нас выписка. Сегодня. Я в роддоме, мне... через несколько часов выходить.

– Я знаю, – отвечает он слишком спокойно. Слишком быстро, словно реплику отрепетировал. – Кир, у меня срочные дела. Я пришлю кого-нибудь из ребят, хорошо?

Я на секунду забываю, как дышать. Словно в лицо холодной водой плеснули.

– Кого «кого-нибудь»? – говорю тише, чтобы не разбудить малыша на руках, но внутри меня всё кричит. – Кир... ты что?! Я не понимаю! Ты должен быть здесь. Ты вообще слышишь, что ты сейчас говоришь?!

– Я слышу, – сухо повторяет он. – Машину подгонят, заберут вас, отвезут домой. Я позже приеду.

– Позже... когда? – я цепляюсь за брошенное вскользь слово. – Что происходит? Ты где?

– Кир, у меня правда нет возможности сейчас, – долгая пауза, потом чуть раздражённое.

– Не начинай, пожалуйста. Я не смогу.

Я открываю рот, чтобы сказать ему в ответ, чтобы это он «не начинал», но муж уже ставит точку.

– Я пришлю Данила. Ты его помнишь? Ну неважно, он тебя знает. Он поможет с вещами. Всё, – и короткие гудки.

С... вещами?! А с детьми? С нашими с Кириллом сыновьями?

Медленно откладываю телефон на кровать. Малыш на руках морщит носик и, не просыпаясь, шлёпает губками, ищет грудь – и я, спохватившись, снова прикладываю его. Глажу по шапочке и смотрю на вторую люльку, на маленькое личико, на крошечные сжатые кулачки, и мне хочется набрать мужа снова, позвонить ещё раз, а потом ещё и ещё, пока он не опомнится и не вспомнит, что я его жена, которая неделю назад родила ему двоих сыновей.

Вот только Кирилл не из тех, кому раньше требовались какие-то напоминания! Он всегда вставал на мою сторону. Всегда был рядом. Даже матери своей никогда не позволял ничего лишнего.

Ещё совсем недавно, до больницы, до этих бесконечных анализов и сложной беременности, которую мы так долго ждали, когда свекровь начинала своё привычное – про то, что мне надо меньше нервничать, надо быть благодарной, надо помнить, кому я обязана – Кирилл не давал ей разгоняться.

– Мама, хватит, – это была единственная фраза, которую он говорил, но говорил таким тоном, что его мать тут же замолкала.

И роды... Господи, роды начались тридцать первого декабря. Тридцать первого! Когда весь город уже жил предвкушением, когда в магазинах сметали мандарины и зелёный горошек,

а люди поздравляли друг друга с наступающим, у меня начинались схватки, и я считала минуты не до полуночи, а до того, как успеют подготовить родзал. Кирилл был со мной, не паниковал, не суетился, не бегал по коридору в поисках главного врача, как в дешёвых историях. Он просто был рядом, выполнял просьбы акушерки, держал меня за руку и шептал, что всё будет хорошо!

Мальчики всё-таки родились через несколько минут после полуночи. Я помню его лицо в тот момент, когда мне впервые положили на грудь первого малыша. Я помню, как у него дрогнули губы, и он быстро моргнул, словно ему попало что-то в глаз. Это был мой Кирилл.

А сегодня седьмое января. Неделя, всё-таки роды двойней – не так просто, и нас не выпишали на четвёртые сутки, как большинство радостных мамочек с малышами.

И теперь вот это. «Я не смогу тебя встретить».

Дверь палаты приоткрывается, и в проёме появляется медсестра.

– Кира Сергеевна, вы готовы? – смотрит на меня немного устало, но по-доброму. – Врач вам сейчас всё подпишет, потом в процедурную, и на первый этаж. Ваши уже подъехали?

Я сглатываю и понимаю, что горло сжимается, как перед слезами, но только плакать мне нельзя. Нельзя, потому что малыши чувствуют всё, потому что мне нужно держаться, потому что сейчас я должна быть собранной.

– Подъедут, – говорю тихо, и слово звучит так, как будто я сама себе не верю. – Муж... не сможет. За нами подъедет его... знакомый.

Медсестра чуть поднимает брови, но тут же кивает, не спрашивая ничего. Ну да, она же сотню тысяч разных выписок видела, наверняка бывало и не такое.

– Понятно, – отвечает сразу. – Тогда давайте, собирайтесь. Документы у вас в папке? Свидетельства оформите в течение месяца, не забудьте. И не нервничайте, ладно? Вам сейчас нельзя.

Нельзя. Это слово я слышу последние дни чаще, чем своё имя. Нельзя нервничать, иначе пропадёт молоко, нельзя поднимать тяжёлое, нельзя переутомляться, нельзя есть то и это... Только как не нервничать, если муж, который должен стоять у входа с двумя автолюльками, говорит мне чужим голосом: «Я пришлю сослуживца»?

Киваю медсестре, притягиваю к себе пакет с вещами и аккуратно перекладываю заснувшего сынишку в люльку рядом со вторым. Застёгиваю сумку, проверяю документы, пальцы немного подрагивают не от слабости, а от напряжения. В коридоре слышны шаги, где-то смеются, где-то плачет ребёнок, и этот шум роддома становится фоном к одной-единственной мысли: у мужа что-то случилось. Что-то серьёзное, о чём он мне не сказал.

На посту меня просят подождать, пока вынесут выписку. Я стою с папкой документов и смотрю на двери отделения. Против воли жду, что они откроются и зайдёт муж. Но вместо этого через стеклянные двери холла появляется высокий мужчина в форме, оглядывается и увидев меня, тут же подходит.

– Кира Сергеевна? – уточняет по-деловому, хотя немного смущённо.

– Да, – киваю, и у меня даже голос не срывается.

– Данил, – представляется он, протягивая руку, но тут же убирая её, словно вспоминает, что у меня ребёнок на руках и второй будет рядом. – Кирилл Александрович попросил помочь вам. Машина на улице, я автолюльки поставил, всё нормально.

Данил старается действовать быстро. Берёт пакет с вещами, подхватывает второй, спрашивает, как удобнее нести. Всё время проверяет, чтобы мне было удобно, чтобы дверцы открылись, чтобы никто не толкнул меня в узком проходе.

– Я могу взять одного, если вы... – начинает, глядя на два свёртка в моих руках, но замолкает, увидев мой взгляд.

– Нет, – отрезаю сразу. – Я сама. Покажите лучше, где машина.

На улице холодно, солнца нет. Данил помогает мне устроиться, открывает заднюю дверь, спокойно и уверенно фиксирует ремни автолюлек, и в этом его спокойствии есть что-то, от

чего мне ещё сильнее хочется заорать прямо в серое тяжёлое небо: почему чужой мужчина знает, как пристегнуть моих детей, а их отца нет рядом?

Мы выезжаем со двора роддома, я смотрю вперёд, на ленту дороги, но дольше молчать у меня не получается.

– Данил, – наконец произношу, не оборачиваясь. – Что с Кириллом?

– У него... дела, – отвечает мужчина осторожно. – Служебные. Вы же понимаете.

– Нет, – я качаю головой, и это «нет» получается усталым. – Я не понимаю. У нас дети. Ему нужно было быть здесь. Это... – не нахожу подходящих слов, потому что любое слово звучит слишком громко при двух сопящих малышах за спиной.

Данил смотрит на зеркало заднего вида, мельком оценивает, всё ли в порядке с детьми, и снова переводит взгляд на дорогу.

– Он сам вам объяснит, Кира Сергеевна, – говорит он тихо. – Я... просто выполню просьбу.

Дом встречает меня непривычной тишиной. Данил открывает дверь подъезда, поднимает пакеты, быстро, по-мужски деловито находит ключи, которые Кирилл, видимо, оставил ему заранее, и от этой детали у меня внутри всё сжимается ещё сильнее. Значит, он планировал не приехать. Значит, он заранее решил, что вместо него будет кто-то другой.

В квартире пахнет не роддомом, не стерильностью, а нашим домом – тем самым, который должен был наполниться радостью, а вместо этого здесь пусто. Я прохожу в прихожую, слышу, как на лестничной площадке кто-то хлопает дверью, и от этого вздрагиваю. Я вообще вздрагиваю чаще, чем нужно. Моё тело ещё помнит роды, ночи, боль, страх и счастье в одной связке.

Данил заносит автолюльки, ставит их в гостиной. Потом аккуратно раскладывает пакеты на тумбочке, оглядывается.

– Вам... что-то ещё? – спрашивает он. – Может, воду принести, открыть окна... я не знаю. Вы скажите.

– Скажите лучше, когда будет Кирилл, – смотрю на него. – Что происходит?! – добавляю требовательно. – Вы же знаете!

Глава 2

Данил опускает взгляд, рассматривает ковёр.

– Я... не знаю, – качает головой. – Он просил передать, что позвонит. Как только сможет.

– Ясно, – вздохнув, киваю. – Спасибо, Данил.

Он-то ведь ни при чём. Как бы ни хотелось мне на него сорваться.

Мужчина кивает, явно обрадованный тем, что разговор заканчивается, и ещё раз смущённо уточняет:

– Если что, у вас мой номер есть. Я вам скинул пустое сообщение. По любому вопросу звоните. Или пишите.

Я не отвечаю сразу. Только смотрю, как он натягивает куртку, как застёгивает молнию, как на секунду задерживается у двери, словно хочет сказать что-то ещё, но не решается.

– До свидания, – произносит наконец и уходит.

Дверь закрывается, и тишина становится такой плотной, что я слышу, как в гостиной щёлкает батарея.

Стою в прихожей, держась рукой за стену, и вдруг понимаю простую вещь: я одна. Вот прямо сейчас – одна. Я – и двое маленьких людей, моих малышей, которые полностью зависят от меня.

Прохожу в гостиную, наклоняюсь над автолюльками. Два крошечных личика. Два носика-кнопки. Два совершенно одинаковых движения губами во сне. Изнутри накатывает тёплое, почти болезненное чувство, потому что это мои дети, и я их обожаю так, что мне страшно, и одновременно хочется закричать от обиды.

Всё должно было быть иначе.

Кирилл должен был открыть дверь роддома, забрать детей. Он должен был суетиться, путаться в ремнях, но делать вид, что всё под контролем. Он должен был держать меня за локоть, когда я спускаюсь по ступенькам, и смотреть на сыновей так, как смотрел, когда они только родились.

А вместо этого – его сослуживец. Неловкая помощь. И квартира, где всё на своих местах, но мне кажется, что я попала не туда, потому что в здесь сейчас слишком много пустоты.

Я пытаюсь действовать по инструкции, как в роддоме. Сначала руки помыть. Потом проверить, всё ли готово. Потом аккуратно переложить одного в кровать, другого – рядом. Потом подогреть воду, потому что мне хочется чая, но я нервничаю и не могу оставлять малышей одних, и одновременно понимаю, что как-то надо учиться справляться...

Когда ставлю чайник, он начинает шуметь слишком громко. Мне кажется, что от этого шума дети сейчас проснутся, и я уже заранее напрягаюсь, как перед экзаменом. Бегу в гостиную, проверяю, дышат ли они, хотя знаю, что дышат.

Заставляю себя сделать глубокий вдох.

И вздрагиваю от вибрации мобильного.

Подхватываю телефон, отчаянно надеясь, что это муж.

И еле сдерживаю стон. Свекровь.

На секунду малодушно решаю, что не отвечу на звонок. Но он, прервавшись, начинается снова. Вздохнув и поморщившись, провожу пальцем по зелёной трубке

– Да, Наталья Петровна, – отвечаю тихо.

– Ну наконец-то! – бодрый деловой голос. – Вы уже выписались? Я правильно понимаю, что ты дома?

– Да, выписались. Мы дома, – проговариваю медленно, как будто занимаюсь с одним из своих учеников с дефектами речи, которым ставлю произношение и требую выговаривать каждый звук.

– И ты, конечно, не сочла нужным позвонить, – тут же подхватывает она, в голосе появляется снисходительное раздражение. – Кира, ну это же элементарно! Могла бы сама сообщить. Я, между прочим, волнуюсь!

Вообще-то, ей мог сообщить её сын. И должен был. И мы с Кириллом оба не хотели, чтобы на выписке была толпа народу.

До того момента, как муж позвонил мне сегодня утром.

Я закрываю глаза, сдерживаясь.

– Я только приехала. Дети спят... – ищу нейтральные слова, – я физически не успела.

– Надо успевать, – наставительный тон, от которого хочется завизжать. – Ты же мать теперь! Мать всё успевает! Так, значит, слушай внимательно. Нужно накрыть стол. Мы сейчас приедем. Надо же отметить, как положено! Я уже всем сказала.

У меня в груди будто что-то холодное проворачивается.

– Подождите, – стараюсь говорить ровно, но у меня получается с нажимом. – Какой стол? Какое «отметить»? Я только что родила, Наталья Петровна! У меня двое новорождённых. Я сегодня без мужа, я даже чай себе не налить успела!

– Ой, не драматизируй, – отмахивается она так, словно я жалуюсь на погоду. – Родила, да. Все рожают, тоже мне подвиг. И что теперь, отменять традиции? Ты молодая, здоровая, справишься. Приготовь что-то простое: салаты, горячее. Я могу привезти торт, но остальное на тебе. Кирилл любит, когда дома порядок, ты же знаешь!

Я смотрю на кровати, на спящих малышей и ощущаю, как внутри начинает разрастаться горячий комок злости.

– Наталья Петровна, – говорю жёстче, чем планировала. – Никаких гостей сегодня не будет. Я не в состоянии. Давайте перенесём хотя бы на выходные, когда... – запинаясь и поправляюсь: – Если Кирилл будет дома и поможет!

– Он будет, – уверенно заявляет свекровь. – Просто у него служба, ты же понимаешь. Он мужчина, добытчик, на нём вся ответственность. А ты женщина, дом и дети на тебе! Всё правильно распределено. Мы приедем ненадолго, посидим, посмотрим на малышей. Я возьму их на руки, ты отдохнёшь.

– Вы не будете брать их на руки, – я не успеваю остановиться, и слова вылетают слишком резко. – Они только из роддома, им нельзя лишних контактов! И мне не нужен никакой стол. Мне нужно, чтобы меня оставили в покое!

– Кира, ты сейчас на эмоциях, – после короткой паузы произносит она тем самым тоном, каким обычно уговаривают капризного ребёнка. – Не надо устраивать истерики. Мы семья. Семья должна быть вместе. Мы уже собираемся, хватит спорить!

Глава 3

– Какой «вместе»?! – я понимаю, что слишком повысила голос, и тут же напрягаюсь, прислушиваясь к тишине в комнате.

Дети не просыпаются, но мне становится от этого ещё больше не по себе, потому что я чувствую, что ещё немного – и просто сорвусь.

– Вы меня вообще слышите? – шиплю в трубку. – Я одна. Я с двумя младенцами! Я после родов!

– Да хватит уже из себя строить мать-героиню! – свекровь непробиваема. – Ты, Кирочка, должна относиться с уважением к родителям мужа! Кирилл и так слишком мягко относился к тому, как ты не стеснялась демонстрировать характер! Так что мы сейчас приедем, и я с ним поговорю! И ты будешь вести себя достойно, а не...

Я резко выдыхаю, и во мне что-то ломается. Наверное, последняя попытка быть «достойной». Я не собираюсь прикрывать мужа и делать вид, что всё нормально, когда это не так.

– Кирилла вообще нет! – зло перебиваю его мать. – Кирилла не было на выписке! Он не приехал. Прислал сослуживца, Данила, и всё. Я не знаю, где он и что у него за срочные дела, что не смог встретить из роддома жену. Так что не надо мне говорить про уважение и про то, что семья должна быть вместе!

Перевожу дыхание, слыша, как в трубке повисает плотная тишина.

Я жду взрыва, обвинений, привычного «это ты виновата», и у меня внутри всё заранее сжимается.

– Вот как, – наконец произносит Наталья Петровна слишком спокойно, и от этого спокойствия мне становится неприятно. – То есть вместо того, чтобы поддержать Кирилла, который задержался на работе на какие-то полчаса, и по-человечески встретить его родителей, которые едут посмотреть на внуков, ты уже пытаешься настраивать всех против мужа! Прекрасно. Очень своевременно.

– Я никого не настраиваю, – отвечаю заторможенно, в шоке от того, как она всё перевернула. – Я говорю, как есть.

– Ладно, – теперь в голосе Натальи Петровны слышна нарочитая усталость, как будто она утомилась объяснять очевидные вещи. – Мы поговорим, когда ты успокоишься. Так что не выдумывай себе лишнего и приготовь хоть что-то! Уж воду-то вскипятить ты можешь! Будем через час.

– Не... – начинаю, но слышу в трубке короткие гудки.

Медленно опускаю телефон, и на какое-то безумное мгновение мне хочется швырнуть его в стену. Вместо этого я сжимаю пальцы до боли и стою так, пока не отпускает волна горячего злого бессилия.

Я думаю о Кирилле и понимаю, что больше всего меня бесит даже не свекровь, а то, что муж оставил меня один на один с этой ситуацией. Наверняка ведь понимал, как всё обернется. Знает, как его мать умеет давить и оскорблять под видом якобы заботы.

Я бреду в комнату к детям, сажусь на край дивана, сжимаю руки на коленях и пытаюсь понять, что я чувствую.

Злость. Страх. А ещё обиду – такую, что она словно застряла костью в горле и мешает глотать. И тоску по Кириллу – по тому Кириллу, который был моим мужем, моей опорой всю беременность. Что произошло? Где он сейчас?! Какие могут быть «срочные дела» седьмого января? Дела, которые важнее, чем выписка собственных детей?

Я беру телефон, смотрю на экран. Пальцы сами находят имя мужа. С трудом останавливаю себя, потому что если я сейчас нажму вызов и снова услышу этот сухой голос – или, ещё

того хуже, не дозвонюсь – я сорвусь окончательно. А мне нельзя срываться. Мне нужно кормить, менять подгузники, укачивать, купать, укладывать. Мне нужно быть взрослой за троих.

Встаю, подхожу к детям, поправляю одеяльца. Один из сыночков вдруг хмурится, коротко всхлипывает. Я наклоняюсь, шепчу что-то бессмысленное, успокаивающее, хотя успокаиваю этим не столько его, сколько себя.

Вспоминаю, что хотела выпить чаю, и всё-таки ставлю чайник. Приходится практически заставить себя это сделать – из-за тех последних слов свекрови, которая как раз требовала вскипятить воды. Качаю головой, упрекая сама себя – ну не глупость ли, мне же нужно много пить сейчас, а я прямо как в той поговорке, «назло бабушке уши отморожу».

Правда, когда чайник вскипает, я так и не успеваю налить себе чай. Один малыш начинает ворочаться сильнее, потом с плачем просыпается, второй подхватывает, и дальше всё идёт по кругу: пелёнки, подгузники, костюмчики, попытка устроиться удобно, чтобы никому не причинить дискомфорт.

В роддоме рядом всегда была возможность получить помощь, медсестра на подхвате, свой упорядоченный и достаточно бодрый ритм. Здесь ритм задают двое новорождённых, и я вдруг оказываюсь во всём этом как новичок, которому сказали: «Ты справишься, вперёд», – и ушли.

– Я справлюсь, – говорю детям шёпотом. – Мама рядом, и мы с вами справимся, вот увидите!

Невольно улыбаюсь, глядя на своих малышек и чувствуя, как переполняет меня любовь к ним. Её так много, что того и гляди перехлестнёт через край, сердце щемит от эмоций.

Наверное, именно эта любовь заставляет меня почувствовать себя лучше.

А когда дети, наевшись, засыпают, и я каким-то чудом умудряюсь переложить их в кровати, не разбудив – то мне становится совсем хорошо. Даже, отвлёкшись, забываю, что сегодня произошло.

Но ровно до того момента, когда всем телом испуганно вздрагиваю от неожиданного и ужасно громкого звонка в дверь.

Глава 4

Подскакиваю с места, как пружина.

Кто там может трезвонить так?! Детей же разбудят! Они ведь только заснули!

Бегу в коридор, смотрю в глазок и, застонав, прислоняюсь лбом к двери.

Всё-таки Наталья Петровна исполнила свою угрозу. Точнее, желание скорее «воссоединиться семьёй», проигнорировав мои слова.

– Просто не открывай, – шепчу себе беззвучно, еле шевеля губами.

Уже делаю шаг назад от двери, когда звонок раздаётся снова.

Со страхом оборачиваюсь, потому что мне кажется, что начинают хныкать дети. А потом меня в очередной раз за сегодня затапливает злостью!

Какого чёрта я боюсь матери мужа в нашей же квартире?!

Ей, значит, можно не обращать внимания на моё состояние, требовать от меня исполнения каких-то там непонятных «традиций», уважения и покорности! А я, как только что родившая двоих сыновей женщина, не имею права ни на что?

Не дождётся!

Крепко сжимаю губы и под трель уже третьего звонка распахиваю дверь.

– Очень вежливо, конечно, держать нас на пороге, – свекровь тут же делает шаг вперёд, за её плечом маячит свёкор, Александр Львович.

Ну, они по крайней мере только вдвоём.

– Очень вежливо с вашей стороны трезвонить в дверь, когда вы знаете, что в квартире двое новорождённых, – отрезаю таким же тоном, что женщина даже на секунду замирает.

Но тут же прищуривается и так резко проходит внутрь, отодвинув меня плечом, что я не успеваю среагировать и остановить её.

Хотя, если вспомнить, что я толком не спала, не ела, устала, да и родила совсем недавно – неудивительно.

Но зато у меня хватает скорости преградить гостям путь в комнату, где спят сыновья.

– Ну и где мои внуки? – свекровь расплывается в улыбке, вот только глаза колющие.

– Во-первых, дети сейчас спят, и мешать им я не позволю, – отвечаю холодно. – А во-вторых, мы только сегодня из роддома, и я уже сказала, что лишние контакты им сейчас ни к чему.

– Ой, это вы, молодёжь, напридумывали себе непонятно чего, – отмахивается Наталья Петровна. – Контакты, непереносимости всякие, травмы психологические и прочая ерунда! В наше время рожали и ничего этого не было, все здоровыми выросли.

Стискаю зубы крепче. Ага, как же. Здоровыми.

– Я тебе так скажу, Кирочка, от безделья это всё, – наставительно говорит свекровь. – Я вот рожала, спустя полгода Кирилл уже в ясли пошёл, нам возиться некогда было, работали все! И ведь никаких этих ваших подгузников не было, стирка каждый день, и руками, руками! А сейчас... – окидывает меня снисходительным взглядом. – Машинка за тебя стирает, посудомойка моет, знай только прохлаждайся. А ты, конечно, и не приготовила ничего к нашему приезду? Поди и мужа одними доставками кормила, ну так и неудивительно...

Прерывает сама себя, качает головой.

– Неудивительно что? – цежу, с трудом сдерживаясь.

– Ну как же... – она пожимает плечами, торжествующе смотрит на меня. – От хорошей жены муж не будет уходить... на работе скрываться.

– Вы на что намекаете? – сжимаю кулаки.

– Ой, да ни на что, конечно! – Наталья Петровна фальшиво смеётся. – Вечно ты выдумываешь то, чего нет! Так, ну ладно, раз уж дети спят, пойдём пока, чаем нас напоишь! Саша, идём!

– Я не собираюсь поить вас чаем, – отрезаю твёрдо.

Понимаю, что говорю грубо, но терпение у меня закончилось.

– Ты, Кира, слова-то фильтруй! – вступает в разговор свёкор, молчавший до этой минуты.

– Ой, Сашенька, ну что ты, не заводись, – мягко кладёт на локоть мужа ладонь свекровь.

– Всё-таки Кира нам внуков родила... Ну что поделать, если воспитание такое, как говорится, деревню из девушки не вывезешь...

– Хватит! – обрываю её, задыхаясь. – Хватит с меня! Уходите отсюда!

– Кирочка, на правду, как известно, не обижаются, – укоризненно качает головой Наталья Петровна. – Ты бы лучше слушала, что тебе умные люди говорят, чем дуться...

– Я сказала, вон из моего дома! – повышаю голос, потому что уже не могу слышать всё то, что они льют мне на голову.

– Забываешься, деточка, – прищуривается свекровь, теперь уже холодно. – Ты тут никто и звать тебя никак! Это квартира Кирилла, на него оформлена, и ипотеку он платит военную!

– Пока я его жена, это и мой дом тоже! – просто отказываюсь сдаваться. – И я требую, чтобы вы ушли!

Не знаю, как бы они среагировали, но в этот момент из комнаты раздаётся плач. Разбудили всё-таки!

Забыв про родителей мужа, устремляюсь в комнату, осторожно вытаскиваю плачущего сынишку из кровати.

– Ну как ты ребёнка держишь? – возмущённый голос за спиной. – Вот неумеха – неумеха и есть! Зачем вообще сразу хватать? Приучишь к рукам сыновей, вырастишь тряпок каких-то!

– Заткнитесь! – оборачиваюсь к ней с перекошенным от ярости лицом, делаю шаг вперёд, прижимая к себе сына. – Заткнитесь и убирайтесь отсюда! Немедленно! Иначе я вызову полицию и скорую, скажу, что в моей квартире посторонние и закачу грандиозный скандал!

– Ах, ты!.. – Наталья Петровна некрасиво, пятнами краснеет, скидывает голову. – Да как ты смеешь?!

– Я ещё и не то посмею! – рявкаю в ответ.

Женщина, вздрогнув, делает шаг назад, а потом внезапно вглядывается в ребёнка у меня на руках.

– Так я и знала! – кивает, глаза сверкают злобой. – Нет, отец, ну ты посмотри только на этого младенца! Саша, посмотри! Ну не наша же порода совершенно! Ничего общего с Кириллом! Да ещё и двойня, ни у кого из нашей родни двоен не было! Нагуляла! – поднимает на меня торжествующий взгляд.

Глава 5

От такого заявления у меня просто кончаются все слова разом. Как будто язык онемел и не слушается. Смотрю на свекровь и свёкра в молчании.

Двое вроде бы неглупых людей. У каждого высшее образование, семья крепкая, сын вот... Всю жизнь работали, да и сейчас тоже, коллеги их уважают, гости дома не переводятся.

Но такая радостная злоба сейчас на лице Натальи Петровны, такое тупое раздражённое равнодушие у Александра Львовича, что именно в этот момент я действительно всем существом осознаю правдивость известной фразы.

Иногда мудрость приходит с возрастом, а иногда возраст приходит один.

– Уходите отсюда, – выговариваю наконец на удивление спокойным голосом. – Уходите, иначе я вызываю полицию.

Перехватываю сына одной рукой, достаю мобильный, который, к счастью, на автомате сунула в карман ещё до того, как открыла дверь. Набираю номер, показываю им экран, держа палец над значком вызова.

– Я не шучу, – качаю головой. – Все звонки записываются с первой же секунды, и я просто заору, что родители мужа убивают меня с новорождёнными детьми. На такой вызов они приедут. Не смогут не приехать. А дальше будете разбираться сами.

Я понимаю, что до рукоприкладства или того, чтобы отбирать у меня мобильный, свёкры не дойдут, всё-таки не те люди. А то не стала бы говорить это всё, а просто позвонила бы сразу. Но не хочу появления полиции. Я кормящая мама. У меня двое крошечных детей. Мне о них надо думать.

– Вот знала я, что ты тварь, – багровая свекровь окидывает меня таким взглядом, как будто таракана увидела. – Сразу всё про тебя поняла. Это Кириллу ты мозги запудрила, задумала голову моему сыну. Ну ничего! Я ему всё расскажу, как ты себя вела!

– Рассказывайте, – пожимаю плечами.

Думать о муже я сейчас в принципе не могу.

И понятия не имею, как он отреагирует на всю эту ситуацию.

Раньше была бы уверена, что мой Кирилл не то что не поверил бы, а просто в ярость пришёл от таких предположений.

Но раньше Кирилл и не бросал меня на выписке из роддома на чужого человека.

Покачиваю успокоившегося у груди сынишку, боковым зрением отслеживаю, что второй малыш тоже перестал ворочаться в кроватке, но смотрю только на двоих «родственников», стоящих напротив.

– Всё ясно, – свекровь выпрямляется, бросает на меня последний взгляд, оборачивается к мужу. – Сашенька, пойдём отсюда! Кириллу я сегодня же позвоню!

– Ты, мать, не горячись, не горячись, – свёкор вдруг качает головой. – Сами поди разберутся...

– Добрый ты, Сашенька, слишком, – женщина хмыкает. – Конечно, разберутся! Когда я сыну глаза открою! Он уж разберётся!

Александр Львович, пожав плечами, выходит из комнаты. Но свекровь всё-таки задерживается ещё на секунду.

Видимо, не весь яд выплеснула!

Глядит на меня, прищурившись, и с торжеством произносит:

– Узнает мой сын, какую змею на груди пригрел с её ублю...

В глазах темнеет, слышу глухой стук – из руки выпал мобильный. Я с трудом осознаю себя в пространстве, а в следующий миг понимаю, что, тяжело дыша, стою прямо перед свекровью.

Которая, в ужасе глядя на меня, держится за щёку.

А у меня горит ладонь.

Я что... я... пощёчину ей дала?!

Господи, что на меня нашло?!

Никогда я бы себе такого не позволила.

Раньше не позволила. Но...

– Не смейте. Говорить. Так. О моих. Детях! – цежу каждое слово чужим голосом.

И, видимо, вид у меня такой, что женщина, сглотнув, пятится назад.

– Сумасшедшая! – шепчет сдавленно.

– Я мать, – говорю тихо и веско. – И не позволю оскорблять моих детей. Вам бы лучше это запомнить.

И она отступает. Испугавшись или... почувствовав что-то, не знаю.

Что-то, что почувствовала и я сама.

Наверное, так ощущает себя выгнувшая спину и вздыбившая шерсть кошка-мама, вставшая нос к носу с бешено лающей собакой, закрывая собой своих котят.

И не каждая собака в такой момент решится напасть.

Потому что кошка будет биться до последнего.

Вот и свекровь ничего больше не говорит. Суетливо выносятся из комнаты с неожиданной для пожилой женщины прытью. Я осторожно, но по возможности быстро опускаю спящего малыша в кроватку, молясь, чтобы не проснулся – и мне везёт.

Стремительно выхожу в коридор и успеваю увидеть, как свекровь практически выбегает из квартиры. Александр Львович, видимо, вышел раньше.

Подскакиваю к двери, быстро закрываю её на все замки.

И только тогда прислоняюсь спиной к стене. А потом и сползаю на пол – ноги перестают меня держать.

Не знаю, сколько я сижу так, приходя в себя. Но постепенно сердце прекращает выстукивать бешеный ритм, руки перестают дрожать, и я наконец поднимаюсь.

– Встретила родственников после выписки... – выговариваю хрипло вслух, качая головой. – Да уж...

Сделав несколько глубоких вдохов, иду в комнату к детям. Забираю упавший мобильный – хорошо хоть, не разбился – иду на кухню, наливаю себе чай. Лезу в холодильник и внезапно обнаруживаю, что он... забит продуктами!

Растерянно смотрю на полки, открываю крышки кастрюль.

Это же... это точно Кирилл приготовил, больше никому. Такое мясо он тушил всегда сам, я обожала этот его рецепт. И суп... лапша. Куриная.

В ящике лежат свежие овощи. Оглядываюсь и вижу, что и на подоконнике, за шторой, в вазе аккуратно сложены фрукты – и никаких цитрусовых, а ведь муж сам обожает апельсины, у нас они дома не переводятся.

Тут же вспоминаю, как мы с ним обсуждали, что у меня первое время после родов наверняка будут ограничения по еде, я же кормящая мама. И Кирилл, смеясь, говорил, что уж справится как-нибудь, чтобы не соблазнять меня запрещёнными продуктами.

На глаза внезапно наворачиваются слёзы.

Что происходит вообще? Как так, ничего не понимаю?

Шмыгнув носом, заставляю себя успокоиться. Разогреваю еду, успеваю даже поесть, прежде чем просыпаются дети.

Но вечеру всё равно чувствую себя выжатой. Время течёт странно, то ускоряясь, то вязко растягиваясь между кормлениями. Успеваю только короткими вспышками думать о Кирилле, и каждая такая вспышка болезненно колет в груди.

Он должен был быть здесь.

Должен был приструнить своих родителей. Взять на руки сыновей.

А он молчит. Не звонит, не пишет. И от этой тишины я злюсь так, что у меня снова начинают трястись руки.

Надеюсь, что муж вернётся вечером или хотя бы ночью, но и этого не происходит. Лежу, как дура, без сна, прислушиваясь к звукам. В результате с утра встаю разбитая – да ещё и малыши просыпались два раза.

День крутится в какой-то бесконечной карусели, я не успеваю понять, когда наступает вечер.

И только в одиннадцатом часу слышу в замке скрежет ключа.

Глава 6

Ноги сами несут меня в коридор, и я вижу осторожно входящего в квартиру Кирилла. Торможу резко, как будто в стену влетела, потому что не знаю... не понимаю, что именно я сейчас увижу.

Муж тихо прикрывает дверь, явно стараясь не щёлкнуть замком. Разворачивается и сталкивается со мной взглядом.

И мне отчего-то становится холодно.

– Привет, – Кирилл говорит первым, но не делает ни шага вперёд.

Между нами повисает пауза.

– Меньше всего мне сейчас хочется быть стервой-женой, – произношу после долгого молчания, не в силах сдержать дрожь в голосе, – но... ты серьёзно?! «Привет»? Это всё, что ты можешь сказать?

– Кир, не начинай, – он качает головой. – У меня были очень поганные дни.

– А я, видимо, тут на курорте отдыхала, – прислоняюсь боком к стене.

– Как ты? – спрашивает муж, но интереса в его голосе ни грамма.

Такое ощущение, что он в эту минуту думает о чём-то другом. Уж точно не о жене с двумя только что родившимися сыновьями.

Или о ком-то...

Но эту мысль я прогоняю сразу.

Не может этого быть.

Абсурд. Чистый беспримесный абсурд!

– Жива, как видишь, – отвечаю ядовито. – Даже удивительно, учитывая визит твоих родителей.

– Они приходили? – и снова этот безучастный голос.

– Да. Приходили. Неужели твоя мать тебе не позвонила? – смотрю на него, всё больше впадая в какое-то состояние нереальности происходящего.

– Может быть, – он пожимает плечами. – Я был недоступен. Что-то случилось?

– За исключением того, что меня обвинили в измене тебе и в том, что детей я родила неизвестно от кого? – говорю резко. – Ничего особенного.

– Что?!

Мои слова всё-таки пробивают его отстранённость.

Кирилл останавливается на мне взглядом, тяжело дышит, я вижу, что он сжимает кулаки, но... практически сразу берёт себя в руки.

– Не обращай внимания, – отворачивается от меня. – Больше они тебя не побеспокоят.

Снимает с себя форменное пальто, вешает его на крючок. Машинально, как привыкла, отмечаю, что он в кителе, значит, совещание у руководства было, но все мысли тут же разлетаются в разные стороны.

– Ты о чём? – сердце мне словно стискивает ледяной кулак, воздуха перестаёт хватать.

– Нам надо поговорить, – муж идёт в сторону кухни. – Пойдём.

– Кир, что происходит? – слепо иду за ним, придерживаясь рукой за стену, колени у меня трясутся. – Ты... господи, да что с тобой! Ты даже про детей не спросил! Не захотел на них посмотреть!

– Сядь, – Кирилл оборачивается ко мне, говорит сухо, безэмоционально.

Сил спорить у меня нет, поэтому просто опускаюсь на стул, а муж встаёт напротив, прислоняется к рабочей поверхности между раковиной и плитой, суёт руки в карманы.

– Пожалуйста, восприми мои слова без истерик, – начинает тихо. – Я не хочу, чтобы между нами остались хоть какие-то недоговорённости. Кира... – делает глубокий вдох и проносит тем же ровным голосом, ни на йоту не поменяв интонацию: – Мы с тобой разводимся.

Смотрю на него, не в состоянии понять, что он сейчас сказал.

Что за дичь?

Это что, сон какой-то?

Кошмар, который мне снится, а я не могу проснуться, потому что слишком устала?

Облизываю пересохшие губы, моргаю, не отводя взгляда от мужа.

– Что ты сказал? – свой голос я слышу словно со стороны.

Как будто кто-то другой говорит... я ведь не могу говорить таким голосом.

Таким... слабым и тонким.

Как такое в принципе возможно, что мужчина спокойно заявляет женщине, только родившей ему сыновей, что он хочет развода?!

– Я сказал, что нам нужно развестись, – голос Кирилла плывёт, то отдаляясь, то приближаясь, и в глазах у меня тоже всё плывёт.

– Нужно... – выговариваю, запинаясь.

– Да. И в связи с этим у меня будет к тебе просьба.

– Просьба?..

Меня, кажется, заклинило... Или мозг не в состоянии справиться с ситуацией.

Разводимся.

Развод.

И у него есть просьба.

Я в параллельном мире, что ли?!

– Не совсем просьба, просто... нам нужно договориться, – продолжает Кирилл. – Я не имею права подавать на развод, пока... ещё год, – странно запинаясь. – Муж не может, если... в нашей ситуации. Только жена. Ты сама. Поэтому моя просьба – подай на развод и не чини мне препятствий. А я сделаю всё, чтобы обеспечить тебя и... вас.

– Обеспечить? – шепчу сдавленно. – Обеспечить чем, Кирилл?! Твоя единственная обязанность была – обеспечить своим детям отца! У тебя два сына, Кир! Которым нужен папа! Ты понимаешь, что ты... господи, я поверить не могу, что мы всерьёз говорим о таком!

Муж на несколько мгновений закрывает глаза, лицо у него искажается.

А потом открывает и смотрит прямо на меня ледяным взглядом.

– Кира, я с тобой переговоры вести не намерен, – говорит жёстко. – Ты подашь на развод. согласишься на все условия. Я не собираюсь оставлять вас без гроша. Вы получите крупную сумму сразу, достаточную, чтобы устроиться. Дальше я буду платить алименты. Больше, чем стандартный процент от зарплаты. Но если ты откажешься... – делает паузу, но почти сразу продолжает: – То не получишь ничего.

Смотрю на него в шоке, не узнавая.

– На детей я не претендую, – Кирилл качает головой. – Не собираюсь требовать встреч или ещё чего-то. И вообще я скоро уеду. Уезжаю в другую страну. Жена и дети мне там не нужны, они будут... обузой, – выплёвывает последнее слово и отворачивается.

Каждое слово словно вгоняет мне в сердце ржавый гвоздь. Такое ощущение, что всё внутри порвано на части и кровоточит – медленно, по капле высасывая жизнь.

– Я... не верю тебе, – поднимаюсь с места, покачнувшись, цепляюсь за стол, чтобы не упасть. – Я тебе не верю!

– Придётся, – равнодушно пожимает плечами муж. – У тебя есть два дня. Подавай заявление. Или в квартиру придут и попросят вас освободить помещение.

– Выгонишь жену с двумя детьми на мороз? – меня захлёстывает болью пополам с унижением.

– В твоих силах не доводить ситуацию до этого, – он разворачивается, идёт обратно в коридор.

– Кирилл! – ненавижу себя за то, что в голосе слышны все мои эмоции, но бегу следом, хватаю его за рукав, царапаю пальцы о жёсткий шеврон, муж смотрит на меня. – Правду! – вглядываюсь ему в глаза. – Я хочу правду! Я имею право знать! Почему?! За что ты так с нами?! Ты...

Во рту вдруг становится горько.

А в голове внезапно всплывают мерзкие слова свекрови.

«От хорошей жены муж не будет уходить...»

На работу. Она говорила про работу.

Вот только...

– У тебя есть кто-то? – произношу невозможные, невыносимые слова. – Есть кто-то, к кому ты... уйдёшь после развода?

Глава 7

Муж смотрит на меня молча, и я ничего не могу прочесть на его лице.

Оно просто... как замороженное.

Никаких эмоций.

– Это не имеет никакого значения, – слышу безэмоциональный ответ.

– Это имеет значение для меня! – не сдаюсь под его взглядом.

Я не знаю, для чего сама себе проворачиваю нож в кровоточащей ране. Для чего хочу услышать ответ.

Тебе что, мало боли, Кира?

Он ведь прав. Это не имеет никакого значения. После всех его слов.

Но болезненное желание дойти до конца остаётся. Может быть потому, что от самого дна проще оттолкнуться ногами? Может быть, мне просто нужно сгореть дотла, чтобы потом вылепить из пепла новую Киру? Ту, у которой не будет любимого мужа, за которым она всегда чувствовала себя, как за каменной стеной.

– Это имеет значение, – повторяю хрипло и отдельно. – У тебя кто-то есть? Кто-то, кто... заменит тебе меня и детей?

Кирилл моргает, в глазах мелькает что-то, а потом...

– Да. Да, ты права. Есть.

Ты, кажется, хотела дна?

Вот оно, твоё дно, Кира.

Отталкивайся. Если сможешь не утонуть.

– Как её зовут? – спрашиваю зачем-то, еле шевеля губами.

Глупый вопрос. Зачем тебе? Чтобы у предательства было имя?

– Зовут? – муж после короткой паузы отводит глаза. – Ира. Ирина.

– Я знаю... её?

– Нет.

– Ясно.

Разжимаю пальцы, отпускаю его китель, рука безвольно повисает – всё тело наливается тяжестью. Привалившись к стене, наблюдаю сквозь пелену перед глазами, как Кирилл торопливо сдёргивает с крючка пальто, словно не может больше ни секунды находиться здесь.

– Я жду твоего решения по поводу развода, Кир, – слышу негромкое. – Напиши сообщение.

– Не переживай, – качаю головой, с усилием выпрямляюсь. – Я подам на развод.

Вскидываю голову, расправляю плечи. Ловлю взгляд мужа. Станный взгляд. Непонятный. Но у меня нет сил сейчас пытаться разобраться.

И желания больше нет.

Но слабой и раздавленной он меня не запомнит.

Такого удовольствия я ему не доставлю.

Мне есть ради кого жить. Словно в ответ на мои мысли из комнаты доносится тихое хныканье, и я успеваю увидеть, как Кирилл замирает на секунду, а потом рывком открывает входную дверь.

– Я пришлю адвоката, – раздаётся уже из подъезда. – Прощай.

И створка захлопывается. Разрезает всю мою жизнь на две части. До и после.

* * *

Следующие дни и недели сливаются в бесконечную серую полосу, которую я потом с трудом могу вспомнить. От Кирилла действительно приходит адвокат. Может быть, нужно было бы искать своего – но я совершенно ничего не понимаю в этих вопросах. А пытаться найти кого-то, с учётом, что на мне двое грудничков – нереально, даже через знакомых, которых у меня не так уж и много.

Тем более что мужчина говорит со мной спокойно и уважительно.

– Кира Сергеевна, вы можете жить здесь, в квартире, вместе с детьми до решения суда.

– Какое великодушие... – не могу не вставить тихо, но адвокат не реагирует на мой выпад.

– Дальше – по вашему желанию. Средств вам хватит для приобретения жилья. При необходимости я помогу, проверю, чтобы сделка была полностью законной и на квартире, которую вы выберете, не было никаких обременений.

– Не нужно, – качаю головой. – Не сейчас.

– После развода вам нужно будет освободить жильё... – он смотрит на меня сочувственно, но твёрдо.

– Не переживайте, освобожу, – отрезаю решительно.

Мать Кирилла наверняка будет в восторге. Хотя свёкры действительно ни разу меня не побеспокоили – в этом Кирилл тоже не обманул. Уж не знаю, что и как он сделал... Но не было ни звонков, ни внезапных появлений в квартире – ничего.

И слава богу. Их мне только не хватало для полного счастья.

– Хорошо, – адвокат, помедлив, кивает. – Кирилл Александрович оплатил мои услуги. В будущем вы всегда сможете обратиться ко мне, если возникнут какие-то проблемы.

– Щедрость Кирилла Александровича не знает границ, – выдыхаю устало.

Никаких проблем у меня нет, кроме одной – собственно развода. Но, как ни странно, оказывается, что это очень просто, если между мужем и женой достигнута договорённость. А мировое соглашение, которое мне присылает адвокат, чтобы я с ним ознакомилась, полностью соответствует словам Кирилла.

Большая сумма сразу. Алименты, которые будут перечисляться на отдельный счёт. Все обязательства заверены нотариально. Никаких требований насчёт порядка общения с детьми...

От этого почему-то больнее всего.

Но у меня не хватает душевных сил на то, чтобы пытаться понять происходящее.

Да я и не хочу в этом разбираться.

Кирилл просто исчез из нашей жизни. Испарился, как будто его никогда не существовало. Ни разу не написал, не позвонил, даже на судебном заседании, когда выносилось решение, его не было – только представитель.

И я не хотела знать, что, возможно, он просто проводит время с другой женщиной.

От этого было бы только больнее.

Поэтому, получив на руки все документы, я покупаю билеты на поезд.

Возможно, зря. С крошечными-то детьми... Но у меня нет сил оставаться в этом городе. Здесь нас ничего не держит. К работе я не привязана – моя специальность логопеда-дефектолога позволяет устроиться практически на любом месте, к тому же до беременности я много работала онлайн.

Тем более, что жильё всё равно «нужно освободить». А если переезжать, то какая разница, куда – за пятьдесят километров отсюда или за тысячу.

Вот и выходит так, что спустя несколько месяцев я открываю своим ключом дверь квартиры, оставшейся мне от родителей, в небольшом городке в ста километрах от столицы региона.

Первые дни приходится тяжело. Нужно привести в порядок квартиру, всё отмыть и отчистить, обустроить детскую, купить кучу всего... С другой стороны, я так устаю, что на лишние мысли не хватает ни времени, ни сил.

А когда через два дня вытаскиваю сыновей на улицу в коляске – не успеваю пройти и пару домов, как слышу:

– Кира?! Кир, ты?

Оглядываюсь и, присмотревшись, ахаю.

– Ритка?

– Вот это да, Кирюха! – старая школьная подруга подлетает ко мне, начинает тормозить.

– Сто лет не виделись! Ты как? Откуда? Это что, твои? Сразу двое?! Ну ты даёшь!

Невольно улыбаюсь. Рита и в юности была такой, порывистой, смешливой, рот у неё ни на секунду не закрывался.

– Ты чего, отдохнуть что ли приехала? Одна? А как же с двумя-то... – подруга запинается, смотрит на меня.

– Я... в разводе, Рит, – говорю как-то сразу, резко, без подготовки.

В первый раз выговорила это вслух.

Не знаю, как она это воспримет. В провинции по-другому относятся к таким ситуациям, сплетен больше, неодобрения...

– Ясно, – подруга кивает. – Не парься. Я тоже. И тоже «с прицепом», – усмехается, качает головой, смягчая неприятное слово. – Но у меня один, сынок. Восемь месяцев уже. Папаня наш решил, что слишком большая для него ответственность, – морщится брезгливо. – А твой, значит, такой же? Но с двоими-то – это уж вообще совести надо не иметь!

Пожимаю плечами, развивать тему мне сейчас не хочется, и Рита сразу это понимает.

– Ну да хрен с ними, с козлами этими! Ты надолго сюда? – улыбается мне, затем малышам в коляске. – Как зовут-то?

– Артемий и Арсений, – не могу не улыбнуться в ответ, а потом вздыхаю. – Наверное, навсегда.

– Ну и отлично! – Ритка уверенно кивает. – Тогда давай, телефон мой запиши! Я всё там же живу, вон, на соседней улице. Пацаны наши, поди, тоже подружатся! Выше нос, Кирюха! Прорвёмся!

Так оно и выходит. День за днём, неделю за неделей я учусь жить заново. Заставляю себя улыбаться и двигаться вперёд ради сыновей.

А в конце лета, когда мои мальчики уже уверенно ползают и начинают пытаться вставать на ножки, мне на карту начинают приходить странные суммы денег, не имеющие никакого отношения к алиментам, которые – надо отдать должное бывшему мужу – всё это время он выплачивал без задержек.

– Сходи в банк, – советует мне Рита, когда я делюсь с ней.

Мне отчего-то не по себе. Суммы не такие уж большие, но дело не в этом. С чего вдруг и откуда?

Мало ли. Может быть, ошибка какая-то!

– Нет, никакой ошибки, – качает головой сотрудница отделения банка, куда я прибежала перед самым закрытием, попросив подругу присмотреть за детьми полчаса. – Хотя... подождите-ка секунду...

Глава 8

– Ну да, всё верно, – девушка кивает, переводит взгляд на меня. – Это социальные выплаты на двоих детей. Пенсия по потере кормильца.

В глазах у меня на секунду темнеет. Уши закладывает, а потом в них начинает шуметь и появляется противный тоненький писк.

– Что? – слышу свой голос как сквозь вату.

– Вам плохо?! – испуганный голос сотрудницы. – Воды?! Сейчас, я позову старшую, сидите, пожалуйста, не вставайте! Сейчас-сейчас! Мы вызовем скорую!

– Не надо... скорую... – выговариваю с усилием, моргаю несколько раз, старательно фокусируясь на встревоженном лице девушки. – О какой пенсии по потере кормильца вы говорите? У меня... у нас... отец моих детей, он... мы в разводе, но он платит алименты. Их переводят регулярно. Мы с ним не на связи и у меня нет никакой информации, но... Я не подавала никаких заявлений, никаких документов, разве я не должна была...

– Эм-м... – сотрудница растерянно смотрит на меня. – Прошу прощения, я не в курсе таких моментов. Но если всё так, как вы говорите, вполне возможно, это ошибка?

– А такое бывает? – с сомнением качаю головой. – Мне как-то всегда казалось, что в нашем государстве значительно проще не получить по ошибке деньги, чем получить.

– Всякое случается, – дипломатично пожимает плечами девушка. – Совпадение. Ошибка в номере счёта. Перепутанные личные данные. Вы можете обратиться в социальную службу по месту жительства, чтобы уточнить. Больше я тут, к сожалению, ничем помочь не смогу.

– Понимаю, – киваю рассеянно. – Спасибо, я... уточню.

Выхожу из отделения банка и медленно иду в сторону дома. В груди противно ноет, в желудке как будто кусок льда образовался.

Не может же быть такого, чтобы с Кириллом что-то случилось?

С чего вдруг? Да, он работает в подразделении федеральной службы, которое занимается... собственно, я никогда особенно не была в курсе, чем он занимается – муж на мои наивные вопросы, когда мы только начинали жить вместе, смеялся и говорил, что ему по званию положено только скучно сидеть в кабинете и перебирать бумажки.

Но никаких подробностей о его работе я не знала от слова совсем.

У нас дома не появлялись его сослуживцы – я знала только несколько человек и шапочно, просто случайные встречи. Друзья и приятели у Кирилла были вне работы. Мы несколько раз собирались семьями на праздники в ресторанах и на природе, но я сама близко ни с кем не сдружилась, а муж и не настаивал.

Он не уезжал в длительные командировки. Не появлялся дома посреди ночи после нескольких дней внезапного отсутствия. Собственно, его слова о том, что он уезжает в другую страну, при нашем последнем разговоре...

Я вдруг вспоминаю его в тот поздний вечер. До этого не позволяла себе – слишком сильной была боль от происходящего.

Мог ли он... соврать мне?

Покрутив эту мысль в одну и в другую сторону, решительно выкидываю её из головы. Бессмысленно пытаться понять. Он в любом случае развёлся со мной. Максимально жёстким способом. Оставил меня и детей. Да, мы ни в чём не нуждаемся... с материальной точки зрения. Но вот в остальном...

И всё же я не могу просто так проигнорировать тот факт, что моим детям приходит эта пенсия по потере... господи, какая же жуткая формулировка. Сколько боли за этими словами.

Стиснув зубы, достаю мобильный. Я не пыталась связаться ни с бывшим мужем, ни тем более с его родителями – ещё не хватало! Мне мои нервы дороже! К тому же, они и сами никак себя не проявляли.

Но теперь сначала нахожу номер Кирилла.

Правда, меня сразу же ждёт неудача. Механический голос говорит, что абонент не обслуживается.

Переживаю болезненный спазм пополам с приступом страха.

Он просто поменял номер. Это нормально, люди меняют номера.

А что будет, если ты выяснишь, что Кирилл действительно... что его больше нет?

Закусив губу, смотрю на потухший экран мобильного. В горле встаёт тугой комок, не давая дышать, глаза начинает пощипывать.

Как бы там ни было... я любила мужа. Очень любила. И он любил меня, во всяком случае, мне так казалось. Я была счастлива с ним. Мы оба хотели детей, ждали моей беременности, были так рады, когда всё получилось.

Я уже почти дохожу до дома и понимаю, что мне надо поторопиться – Рита там с тремя малышами зашивается. Но всё-таки останавливаюсь недалеко от подъезда, глубоко дышу, пытаюсь прийти в себя.

Что хуже? Узнать, что бывший муж жив – но разлюбил тебя и бросил, уйдя к другой? Или узнать, что он погиб?

Ужасный вопрос.

Но... как бы там ни было, я никогда не пожелала бы ему смерти, думаю тоскливо.

А потом, выбрав в списке номер телефона свекрови, зависаю над значком вызова. Позвонить или нет?

Вообще-то, Наталья Петровна – последний человек на свете, которого мне хочется слышать. И вообще, звонить матери и спрашивать, жив ли её сын – так себе идея.

Да и она сама наверняка меня заблокировала. Нет уж. Наталья Петровна – самый крайний случай. Есть ещё двое, с кем я могу связаться.

Глава 9

Рита, которая, конечно, спрашивает меня о том, как я сходила и удалось ли разобраться, слушает мой рассказ с круглыми глазами и приоткрытым ртом.

– Да ла-адно... – выдыхает, когда я заканчиваю. – Кир, это фигня какая-то.

– Вот и я так думаю, – качаю головой, усаживая Арсения в стульчик для кормления, ставлю перед ним пюре из цветной капусты и кабачков с индейкой. – Держи, Арсюш. Тёмка, потише, – ловлю за руку второго сынишку, который уже вовсю размахивает ложкой.

Я начала прикорм, как только сыновья начали уверенно садиться, им к тому времени перестало хватать моего молока.

– Я просто к тому, что есть у меня девочка знакомая, которая ходила оформлять эту пенсию, – скептически говорит подруга, поднимая на колени своего Егорушку, который требовательно тянет к матери руки. – Она столько времени все бумажки собирала! И ещё её гоняли то за тем, то за этим! Сама же знаешь, у нас некоторые сотрудники соцслужб за каждую копейку удавятся, как будто из своего кармана платят. У неё, правда, вроде бы свои особенности были... Но всё равно! А тут раз – и пожалуйста вам!

– Я тоже так подумала, – киваю уверенно. – Но... дело даже не в этом. Неужели мне никто бы не сообщил? Ладно, мы в разводе, но несовершеннолетние дети... Они же наследники. Я не к тому, что мне что-то там нужно, – добавляю торопливо.

– Да конечно, я поняла, о чём ты, – отмахивается Ритка. – Хотя, между прочим, всё ты правильно говоришь. Тебе ещё детей поднимать! А им не только подгузники-комбинезончики-ботиночки нужны – и это-то бешеных денег стоит. А что будет, когда вырастут? Всё в двойном размере? А образование?

– Он оставил нам достаточно, – думать о вероятных наследственных делах неприятно и больно.

Как бы я ни старалась забыть – всё равно больно.

Да и как забыть, когда я каждый день смотрю на двоих малышей, которые чем дальше – тем больше становятся похожи на отца?

– Это сейчас достаточно, – качает головой подруга. – Инфляцию никто не отменял. А если твой Кирилл... прости, – виновато смотрит на меня, когда я морщусь. – В общем, если он... если с ним что-то, то и алименты тебе приходиться перестанут, так ведь?

– Не знаю, – вздыхаю, потому что и об этом я уже думала.

И, хоть это и непросто, сразу решила, что надо возвращаться к работе. Логопедическое агентство, с которым я сотрудничала до декрета, без проблем возьмёт меня обратно – можно попросить, чтобы учеников удалённо мне подбирали с разницей во времени, так, чтобы работать рано утром или поздно вечером. Счастье, что страна у нас большая, и логопеды требуются деткам от Владивостока до Калининграда, да и за рубежом это тоже востребовано.

Но для начала я иду в местную социальную службу.

– Детям, не достигшим возраста восемнадцати лет, страховые выплаты назначаются автоматически, – говорит мне женщина в возрасте, которой я объясняю ситуацию. – Если вам пришло, значит, нам поступили сведения о смерти вашего мужа.

– Бывшего мужа, – поправляю автоматически.

В груди болит. Не могу... не верю я! Просто не верю!

– Не принципиально. Уж такие-то вещи вы должны знать об отце своих детей! Позвоните и уточните! – она ещё и смотрит на меня неодобрительно.

Как будто это я виновата!

– А если по ошибке... – всё-таки пытаюсь спросить.

– Девушка! У нас всё автоматизировано! – в голосе сотрудницы появляется раздражение.
– Вам деньги приходят, государство о вас заботится, а вы чем-то недовольны ещё?

– Нет, – встаю, понимая, что дальше разговаривать бессмысленно. – Извините. Спасибо.

Выхожу и пишу адвокату, который работал над нашим разводом. Я не собиралась к нему обращаться, хотя мужчина после завершения дела напоминал мне о том, что поможет при необходимости. Но тут... должна же быть у него информация?

И почти сразу получаю ответ: «Ваш муж не выходил со мной на связь после вашего развода. Но я и не вёл его дела. От него было только распоряжение помочь вам при необходимости. Алименты вам переводятся с отдельного счёта, с ними проблем возникнуть не должно. Если какие-то вопросы – буду рад ответить».

Какие, к чёрту, вопросы?! Я просто хочу понять, что с моим мужем?

Бывшим мужем, Кира, напоминаю себе, когда чувствую, что начинаю заводиться. Бывшим. Он ушёл. И даже если не к другой, как сообщил тебе – но он ушёл от тебя.

Ну так отпусти его!

И всё же эта ситуация настолько выматывает, что я делаю последнюю попытку. Как говорится, уж лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Если мне наконец скажут, что с ним, я смогу жить дальше, не думая бесконечно, что произошло. Нахожу номер телефона, который когда-то оставлял мне Данил, встречавший меня в роддоме.

Это единственный человек, с которым я могу связаться – и который точно работал с Кириллом.

– Слушаю! – отвечают мне на звонок после буквально пары гудков.

– Данил, здравствуйте, – говорю неуверенно. – Вы, наверное, меня не помните, я... была замужем за Кириллом Александровым, вы ещё меня встречали с детьми.

– Нет, я вас помню! Здравствуйтесь, Кира... Сергеевна? Я правильно назвал отчество?

– Да, всё верно, – перевожу дыхание, но задать вопрос не успеваю.

– Я... честно говоря, ждал вашего звонка, Кира Сергеевна, – слышу немного усталое. – Точнее, не совсем ждал, и не совсем вашего. Я только сейчас понял, что это именно вы должны были позвонить. У меня для вас есть сообщение.

Глава 10

Сердце у меня проваливается куда-то вниз.

– Что за сообщение? – выговариваю севшим голосом.

– Сейчас, подождите секунду, – просит меня мужчина. – Кирилл Александрович просил, чтобы... сейчас найду...

Я слышу возню в трубке, словно выдвигают ящики стола или что-то такое.

– Кира Сергеевна, – продолжает Данил осторожно, – вы только, пожалуйста, не думайте ничего лишнего...

– Он жив? – перебиваю его.

– Я... не уполномочен, – выдыхает мужчина. – Но дело даже не в этом. У меня нет информации.

Молчу, сжимая трясущиеся пальцы.

Не уполномочен.

Чёрт подери, как мы дошли до этого?! Почему Кирилл просто честно не рассказал мне? Не имел права? Чем вообще занимался мой муж? Что за... чёртов детектив пополам с Джеймсом Бондом?

– Данил, вы нашли то, что искали? – говорю наконец.

– Да, в общем... Кирилл Александрович сказал, что мне, вполне возможно, позвонят. Через несколько месяцев. И спросят про него. Сказал, что я пойму, когда и кому нужно будет сказать. И надо будет передать одну фразу. Я тогда не понял, к чему это. У нас, знаете, бывает... ну... свои обозначения. А сейчас, когда вы позвонили... я понял, что это, наверное, вам.

Закрываю глаза, чтобы не расплакаться, но слёзы всё равно подступают.

– Фразу, Данил.

– «Маленький принц. Тридцать первая страница», – повторяет он так, словно называет пароль от сейфа.

– И всё? – спрашиваю растерянно.

«Маленький принц» – это была наша с ним книга. Первый его подарок мне. Красивое старое издание, закладка – билеты на поезд, с нашей первой совместной поездки к морю когда-то. Кирилл читал её вслух, когда я была беременной, и смеялся над тем, что взрослые всё усложняют.

Я опираюсь плечом о стену у входа, потому что ноги становятся ватными.

– Данил... – выдыхаю, – вы уверены, что это всё?

– Да, больше я ничего не знаю, – отвечает он тихо. – Простите.

– Не извиняйтесь, – язык у меня немного заплетается. – А когда он просил это передать?

– Тогда, в январе, – признаётся Данил после паузы. – В тот день, когда я вас встречал. Он подошёл ко мне вечером, уточнил, как всё прошло. Я думал, это... ну... семейное. Не хотел лезть. Записал себе в заметки, чтобы не забыть. И всё.

То есть Кирилл сказал это в тот же день, когда не приехал на выписку.

То есть он уже тогда знал, что мне придётся услышать эту фразу.

– Спасибо, – выговариваю наконец, и это «спасибо» звучит жалко, но по-другому у меня не получается. – Я... поняла.

– Кира Сергеевна, – вдруг добавляет он, – вы, если что, пишите. Или звоните. Ну, мало ли, помощь какая-то или ещё что. Я постараюсь.

– Спасибо, – повторяю ещё раз, уже чуть более крепким голосом.

Но понимаю, что звонить ему я больше не буду.

Всё это и так слишком больно и унижительно.

Просто прощаюсь и сбрасываю звонок.

Несколько секунд стою неподвижно, уставившись в экран, а потом резко иду в комнату, где у меня стоит неразобранная коробка с книгами. Кое-какие томики у меня просто рука не поднялась оставить там, в той квартире, как я ни старалась выбросить из головы всё, связанное с бывшим мужем.

И «Маленький принц» в том числе.

В комнате полумрак, мальчишки спят после обеда, и я стараюсь не шуметь.

Роюсь в коробке, пальцы дрожат, то и дело замираю, прислушиваясь к детскому дыханию. Потом снова ищу – торопливо, жадно, как будто от этого что-то зависит.

И нахожу.

Синий корешок. Потёртый угол. Наша закладка – тонкий билет, выцветший от времени.

Сажусь прямо на пол, поджав ноги, кладу книгу на колени и несколько секунд просто держу её, одновременно боясь и не понимая, что меня может ждать там.

А потом открываю.

Листаю страницы, считая про себя, чтобы не ошибиться.

Двадцать девять. Тридцать. И...

Тридцать первая.

И в сгине страницы – тонкий, аккуратно сложенный лист, спрятанный так, чтобы его не нашли случайно.

Смотрю на него несколько минут. Сил нет открыть и посмотреть, что там.

Когда всё-таки берусь за бумагу, пальцы у меня трясутся так, что листочек чуть не падает. Но я разворачиваю записку, вглядываюсь в написанные чётким почерком слова и... зажимаю рот рукой.

Дышать становится невозможно. Слезы текут сами собой. Я задыхаюсь, снова и снова перечитывая несколько строчек.

«Просить прощения бессмысленно, я знаю, ты не простишь, да я и не заслуживаю прощения. Но я не мог поступить иначе.

Я только надеюсь и очень хочу, чтобы ты забыла меня и была счастлива, родная.

Прощай»

– Прощай... – еле шевелятся у меня губы, повторяя и повторяя последнее слово. – Как же так, Кир... Как же так...

Сворачиваю записку, осторожно вкладываю её обратно в книгу на то же место и цепляюсь словами за первую фразу на странице.

«"Странный народ эти взрослые", – сказал себе маленький принц, продолжая путь.»

Не знаю, спланировал ли Кирилл специально, чтобы я увидела именно эту цитату... но вполне возможно, что да. Что ж. Действительно, взрослые очень, очень странный народ.

И часто поступают по-своему, думая, что подчиняются чувству долга или ещё чему-то, что делают лучше. А для кого лучше? Неизвестно.

Уж точно не для двух малышек, спящих сейчас в кроватках, и не для их мамы, сидящей на полу с разбитым сердцем.

Я не хочу дальше об этом думать, закрываю книгу и некоторое время смотрю на томик.

А потом, взяв себя в руки и кое-как уняв слёзы, поднимаюсь и решительно ставлю его обратно на полку.

Жизнь не остановится для меня на этом. Мне есть ради кого жить дальше. Уж не знаю, получится ли у меня быть счастливой... но я попытаюсь.

И не ради Кирилла.

А ради детей, которым нужна счастливая мама.

Глава 11

Несколько лет спустя

Утро для меня начинается не с кофе. Утро начинается с двух звонких детских голосов, которые спорят, кто первый пойдёт в ванную, и с топота пяток по ламинату, потому что Арс вечно бежит и никогда не идёт.

Я лежу ещё пару секунд, слушаю, как в соседней комнате Тёмка сердито выговаривает, что так нельзя, что нужно по очереди, и улыбаюсь в подушку. Мои мальчики растут. Растут так быстро, что иногда мне кажется, что ещё вчера я держала их в роддоме на руках – а сегодня они уже умеют завязывать шарфы и шнурки и задавать вопросы, на которые у меня не сразу получается найти ответ.

Встаю, натягиваю тёплые носки, накидываю халат. За окном у нас зима – та самая, настоящая, с серым небом и плотным снегом на подоконниках. На балконе сугроб вырос до уровня перил, и я вчера снова думала, что надо бы выйти почистить, но потом наступил вечер, дети, ужин, занятия, и всё так и осталось в планах до очередного снегопада.

На кухне всё на своих местах. Чайник, контейнеры, детские кружки с рисунками. Овсянка уже готова – я ставлю её с вечера в мультиварку, иначе утренний марафон превращается в бег с препятствиями.

– Мам! – Арсений влетает на кухню, волосы дыбом, один носок натянут так, что пятка чуть не на щиколотке. – А где носок? Я сам зубы почистил!

– Это видно, – говорю спокойно и протягиваю ему второй носок, который лежит на стуле. – Сам – молодец. А рот прополоскал?

Арс делает такое лицо, словно его обидели, и исчезает обратно в ванной, громко топая. Тёмка появляется следом, уже умытый, аккуратный, собранный.

– Мам, у нас в садике сегодня физкультура, – говорит серьёзно. – Мне нужна форма.

– Я положила, – киваю. – В шкафу, на верхней полке. Там и носки, и шорты, и футболка. Проверь сам, пожалуйста.

Он кивает и уходит. У Артёма всегда так: если ему доверили – он сделает.

Ядвигаюсь по квартире привычными маленькими шагами. Кашу разложить. Чай налить. Быстро проверить рюкзак, потому что Арсений может положить туда машинку вместо сменки и быть абсолютно уверенным, что так и должно быть. Достать варежки. Найти вторую варежку. Положить в карман салфетки. Достать из шкафа комбинезоны.

И всё это параллельно с мыслями о работе.

Сегодня у меня два ребёнка на онлайн-занятиях, потом консультация у взрослого мужчины после инсульта – мы уже третью неделю вытягиваем ему сложные звуки, и каждый раз он выходит с занятия уставший, но довольный, потому что ему важно снова говорить нормально, без того, чтобы люди додумывали за него слова. Ещё вечером будет девочка из соседнего дома, ей пять, она обожает наклейки и терпеть не может звук «р». Я только понимающе киваю и успокаиваю её, что у неё обязательно получится. Звук «р» – он вообще не для слабонервных.

Работа у меня подчинена детскому расписанию. Часть занятий – утром и днём, когда они в садике, совсем небольшая часть – вечером, когда мальчики уже дома, но Рита может забрать их к себе на час. А я взамен забираю её Егора на первую половину дня субботы, когда ей приходится убегать по своим делам. Мы с подругой продолжаем страховать друг друга – двум женщинам легче справляться вместе.

– Мам, – Арсений снова появляется на кухне, тащит за собой шарф. – А мы поедem кататься?

Я даже не сразу понимаю, о чём он, потому что в голове в этот момент крутится список дел.

– На лыжах, – добавляет Артемий, тоже возникая в дверях. – В Кунгур! Ты обещала, что мы ещё раз съездим, когда зима будет!

– Да, а уже зима! – тут же подхватывает Арс, – Вон сколько снега! Там гора была такая! Мы пили чай из термоса и ели печенье! И ты упала... ну, чуть-чуть! Но смешно было, правда?

– Я не упала, – фыркаю, стараясь не улыбнуться. – Я поскользнулась. И вы оба меня спасали, как настоящие герои.

– Мы спасали, – важно кивает Тёмка. – Мы тебя держали тогда, помнишь?

– И потом ты сказала, что мы сильные, – добавляет Арс и смотрит так, словно я обязана официально подтвердить этот факт в письменном виде. – Поедем, мам? Ну, мама!

– Я не обещала, – говорю мягко, потому что в их головах обещание и слово «постараюсь» почти одно и то же. – Я сказала, что попробую всё организовать.

Ставлю перед детьми кашу, сажусь рядом и секунду просто смотрю на них. Похожие и разные. Одновременно маленькие и уже такие самостоятельные.

Мальчики продолжают вспоминать поездку на горнолыжную базу, которая оставила такой след в их воображении. Там действительно было очень здорово. Но ехать сразу с двумя детьми – всегда недёшево...

Надо будет проверить, что там у меня с расходами.

Но да, хотелось бы съездить, отдохнуть.

– Я подумаю, – говорю наконец честно. – Если получится по деньгам и по расписанию, мы съездим. Может быть, в выходные. Я не обещаю, но я правда постараюсь!

– Вот! – Арс радостно хлопает ладонью по столу. – Это почти да!

– Это не почти да, – уточняю, улыбаясь. – Это «подумаю», ладно?

Артём кивает и начинает есть. Арс тоже ест, но одновременно продолжает рассказывать, как он будет съезжать с горы и как он обязательно научит брата делать поворот, хотя Тёмка и так всё умеет. Просто не хочет спорить с братом утром – он старше всего на несколько минут, а мне иногда кажется, что на пару лет.

Мы собираемся быстро, насколько это возможно с двумя детьми. Комбинезоны, шапки, шарфы. Я застёгиваю молнии, поправляю капюшоны, в очередной раз проверяю, что варежки на месте, и уже тянусь к ключам, когда на тумбочке начинает вибрировать мобильный.

Беру телефон, не глядя на номер, потому что руки заняты, и в голове только одно: успеть в садик вовремя.

– Алло, – говорю привычно.

В трубке короткая пауза, а потом мужской голос, спокойный, вежливый, с едва заметным иностранным акцентом, произносит:

– Доброе утро. Могу я поговорить с Кирой Сергеевной?

Глава 12

– Да, это я, – говорю спокойно, прижимая мобильный к уху плечом и хватая свою шапку с перчатками. – Слушаю вас.

– Отлично, – мужчина чуть облегчённо выдыхает. – Меня зовут Лоран. Мне вас посоветовали как специалиста, который помогает с русским произношением. Мне нужно поставить некоторые звуки и в целом сделать речь более... чистой. Можете помочь?

– Лоран, – растерянно хмурюсь, даже притормаживая на секунду. – Смотрите, я логопед. Я работаю с детьми и взрослыми, да, но логопедия – это не курсы по акценту в чистом виде. Если у вас речь сформирована и нужно просто... артикуляцию подшлифовать, вам может больше подойти фонетист или преподаватель русского как иностранного. У них другой подход.

– Мне сказали именно к вам, – мягко, но уверенно отвечает он. – Мне не нужно просто выучить правила. Мне нужно, чтобы меня понимали без усилий. И чтобы я сам не думал каждую секунду, куда поставить язык.

Я невольно улыбаюсь, потому что формулировка точная. Люди, которые никогда не занимались произношением, обычно так это и описывают.

– Это уже ближе к моей работе, – признаю со вздохом. – Но всё равно нужно понимать, что именно вам мешает. Какие звуки, какие позиции, какая скорость речи. Вы русский знаете хорошо?

– Да. Я говорю свободно, – отвечает мужчина, и по его речи действительно слышно, что свободно. – Я постоянно бываю в России. Просто у меня есть... нюансы. А именно сейчас это стало важно.

Арсений тянет меня за рукав, нетерпеливо подпрыгивая в прихожей.

– Мам, ну мы идём? Мы опоздаем!

– Идём, – отвечаю ему автоматически, не отнимая телефона от уха. – Подожди две секунды.

– Мам, пора уже! – добавляет Артемий.

Беру ключи, открываю дверь и жестом показываю сыновьям, чтобы выходили.

– Лоран, – возвращаюсь к разговору, – я могу с вами поработать, если задача действительно в артикуляции и постановке звуков. Но честно предупреждаю: чудес за три занятия не бывает. Нужна регулярность.

– Регулярность – это как раз то, что меня сейчас беспокоит, – голос у него остаётся спокойным, но становится более деловым. – У меня очень ограничено время. Поэтому я ищу вариант, где мы сможем заниматься интенсивно.

Мы выходим на лестничную площадку. Где-то сверху тоже хлопает дверь, кто-то начинает спускаться – утро, всем на работу.

– Артём, не беги по ступенькам, – говорю тихо, но строго. – Арс, перила!

– Держусь, – тут же говорит Арсений и демонстративно кладёт ладонь на перила на секунду, после чего снова отпускает.

В трубке Лоран явно слышит детскую возню.

– У вас дети? – спрашивает он с лёгкой улыбкой в голосе.

– Да, двое, – отвечаю просто. – Мы как раз в садик выходим.

– Вы очень спокойно с ними разговариваете, – говорит он, и мне на секунду становится смешно, потому что я знаю, какой ценой любой маме даётся это спокойствие.

– Это тренируется, – отвечаю ровно. – Как и произношение.

– Как их зовут? – уточняет мужчина.

Я секунду колеблюсь, потому что в целом мне не очень нравится рассказывать незнакомым людям про детей, но в его вопросе нет ничего лишнего. Просто разговор.

– Артемий и Арсений, – говорю, придерживая дверь подъезда, чтобы мальчишки не ударились.

Слышу, как Лоран на том конце чуть заметно задерживает дыхание. Ненадолго, буквально на долю секунды, и сразу берёт себя в руки, но пауза всё равно есть.

– Артемий и Арсений, – повторяет задумчиво. – Красивые имена.

– Спасибо, – говорю нейтрально, потому что мы уже выходим на улицу, и холодный воздух сразу щиплет щёки.

Снег под ногами ещё не до конца утоптан, плотный, чистый, скрипит и хрустит. На деревьях все ветки облеплены – ночью был снегопад. У соседнего подъезда дворник, не особенно торопясь, очищает лопатой дорожку. Мальчишки тут же пытаются наступить именно туда, где ещё не почищено.

– Лоран, – возвращаюсь к делу, – давайте так. Если вы хотите заниматься, нам нужно хотя бы короткое знакомство. Я послушаю вашу речь не по телефону, посмотрю артикуляцию, дам первые упражнения. Дальше станет ясно, насколько это имеет отношение к тому, над чем я обычно работаю.

– Я именно этого и хочу, – отвечает он. – Только я бы хотел, чтобы мы начали как можно быстрее. У меня скоро переговоры на русском. Мне важно говорить уверенно. Не потому что меня не поймут, меня поймут. Но переговоры – это не просто обсуждение информации. Когда у тебя акцент, люди начинают отвлекаться. Иногда это может влиять на принятие решений.

– Понимаю, – отвечаю спокойно, хоть мне и не кажется, что для него это проблема – акцент у него не сказать чтобы ужасный, в процессе разговора он, правда, усилился, но я всё разбираю. – Но тогда нужно заниматься не от случая к случаю.

– Вот, – сразу подхватывает Лоран. – Поэтому я предлагаю формат интенсивной работы. У меня будет площадка, где я буду находиться несколько дней. Там спокойно, нет лишних перемещений. Мы можем делать по два-три занятия в день, коротких, но регулярных. Я знаю, что вы не преподаватель языка. Мне и не нужно изучать язык. Мне нужно физически перестроить звук.

Мы подходим к машине, и мальчишки уже привычно лезут на заднее сиденье, каждый на своё место. Я помогаю пристегнуться, проверяю ремни.

– Где вы будете находиться? – спрашиваю, закрывая одну дверь и обходя машину.

– На горнолыжном курорте, – спокойно отвечает Лоран. – Там будут проходить переговоры. Я планирую войти в долю и расширить бизнес, а встречаться будем именно там, потому что часть партнёров приезжает кататься. Это такой... формат, понимаете. Днём – трассы, вечером – обсуждения.

– И вы хотите, чтобы я поехала туда к вам? – уточняю, заводя машину.

– Да, – отвечает он без колебаний. – Я понимаю, что у вас дети, работа, график. Поэтому я предлагаю решить вопрос так, чтобы вам было удобно. Я готов оплатить вашу поездку и проживание. И проживание детей тоже. Там есть детские комнаты, инструкторы, можно нанять няню на время занятий. Вы будете заниматься со мной в удобные окна, а дети будут под присмотром. Я не прошу вас работать бесплатно, разумеется. Я оплачу занятия отдельно, по вашему тарифу, а также компенсирую время и дорогу.

Я держу руки на руле и молчу несколько секунд.

Что-то как-то уж очень хорошие условия...

– Лоран, – произношу ровно, – я не принимаю такие предложения сходу. И тем более не еду неизвестно куда по звонку от незнакомого человека. Вы это понимаете?

– Конечно, – спокойно отвечает мужчина. – Поэтому я и звоню заранее. Я могу приехать к вам в город. Или мы можем созвониться по видеосвязи, чтобы вы меня услышали и оценили

объём работы. Я предоставляю рекомендации, документы, что угодно. Мне действительно вас посоветовали как очень сильного специалиста. Сказали, что вы умеете ставить речь не только детям, но и взрослым так, чтобы это было быстро и без... лишней теории.

Я невольно хмыкаю, потому что это правда моя сильная сторона. Я люблю, когда человек понимает, зачем делает упражнения, но ещё больше люблю, когда он получает быстрый результат.

– Хорошо, – говорю после паузы. – Давайте начнём с видеосвязи. Вы мне сейчас напишите, кто вас рекомендовал, какой запрос, какие сроки. Я скажу, что могу предложить. И потом уже будем решать.

– Сроки короткие, – напоминает он. – У меня примерно две недели до выезда. Поэтому интенсив – оптимально. Я готов оплатить всё сразу, чтобы вы не сомневались, что это серьёзно.

– Оплата – это не главный критерий, – отвечаю спокойно. – Главный критерий – адекватность, безопасность и реальность задачи.

– Согласен, – легко соглашается Лоран. – Тогда договорились. Я сейчас напишу вам. И ещё... простите за личный вопрос. Ваши сыновья уже катаются на лыжах?

Я бросаю взгляд в зеркало заднего вида. Арс машет мне варежкой и что-то увлечённо рассказывает брату. Артём слушает, терпеливо, как обычно.

– Да, – отвечаю, и голос невольно становится чуть теплее. – В прошлом году возила их на склон, теперь только и ждут, когда снова получится.

– Тогда тем более, – спокойно говорит Лоран. – На курорте им будет хорошо. Я не хочу, чтобы вы выбирали между работой и детьми. У вас получится всё совместить.

И всё-таки что-то меня настораживает.

Но сейчас от меня не требуют невозможного. Поэтому я киваю сама себе и произношу в трубку:

– Хорошо, Лоран. Напишите. Я посмотрю и отвечу, когда освобожусь.

Глава 13

Вечером, когда мальчишки наконец усаживаются ужинать и на пять минут перестают спорить друг с другом, чья сегодня очередь помогать мне вытирать стол и мыть чашки, я возвращаюсь к сообщениям, которые Лоран отправил мне днём и где мы договорились о времени созвона.

Открываю программу, в которой обычно связываюсь с клиентами и перезваниваю мужчине сама, уже без суеты и с блокнотом под рукой.

Разговор проходит спокойно и по делу. Лоран говорит коротко и чаще простыми предложениями, но всё равно слышно, что русский у него живой и на высоком уровне: грамматика неплохая, построение фраз уверенное, а вот звуки иногда уезжают в сторону, и в результате получается не то чтобы непонятно – скорее, не так чисто, как ему хочется. Я ещё раз объясняю, что моя работа – логопедия, постановка и коррекция речи, и чаще ко мне приходят дети или взрослые с конкретными речевыми трудностями, а не с задачей убрать акцент.

Но в целом по его произношению уже понимаю – при необходимости я справлюсь. Ему просто нужна хорошая артикуляционная база и точные настройки.

Прошу мужчину прислать два коротких голосовых: чтение любого нейтрального текста и обычную речь – как он рассказывает о своём дне. Даю первые рекомендации: замедлить темп, добирать окончания, следить за мягкостью согласных и каждый день делать короткие упражнения, лучше два раза по десять минут, чем час раз в неделю.

В общем, обычная работа логопеда, разве что с небольшими нюансами.

– Я надеюсь, вы согласитесь на моё предложение, Кира, – говорит мужчина на прощанье. – Мне комфортно с вами работать. И я хочу продолжать. Скажите мне о своём решении завтра? Время ограничено, я должен понимать, возьмётесь вы или нет.

– Конечно, – я киваю, улыбаюсь, но после созвона всё равно сижу на кухне и сомневаюсь.

Деньги хорошие, поездка детям в радость, не могу понять – что меня настораживает?

Чужой незнакомый мужчина? То, что я поеду одна с двумя сыновьями?

– Ищешь подвох? – понимающе спрашивает Ритка, забежавшая к нам с Егором по обычаю вечером попить чаю.

Мы почти каждый день собираемся поочередно то у неё, то у меня – наши сыновья дружат, и пока они заняты своими делами, у нас есть хоть несколько минут поболтать.

– Я просто думаю, насколько это нормально, – отвечаю, домывая посуду и ставя тарелки на сушилку. – Всё-таки ему не логопед нужен, а фонетист.

– Он же тебе сам сказал, что ему с тобой комфортно, – Рита пожимает плечами. – Какая разница, что ты не фонетист? Та же самая работа про звук, про чёткость речи. Это всё твоя территория.

– Да, но запрос другой, – не сдаюсь, присаживаясь за стол и пододвигая к себе чашку с чаем.

– Слишком ты щепетильно к этому относишься, – подруга кидает на меня укоризненный взгляд. – Главное, что тебя должно интересовать, – он оплачивает всё! И вы едете туда, где куча людей. Это же горнолыжный курорт! Гостиница, кафе, инструкторы, семьи с детьми, камеры. Ты что, думаешь, он тебя в лес утащит, чтоб дикцию ставить?

Невольно фыркаю, представив эту картину.

– А пацаны твои? Они же сами тебя съедят, если ты не свозишь их снова! – Ритка закатывает глаза. – Они с прошлого года только и живут тем, что поедут кататься. И тут тебе предлагают оплатить поездку, проживание и при этом заработать. Это даже не экономия, это подарок судьбы. Берёшь и едешь!

– Да... – киваю, потом киваю ещё раз, уже увереннее, – ты права, Рит...

– Конечно, я права, – ухмыляется она. – Так что давай! Соглашайся и не думай!

Лорану я пишу следующим же утром. Подтверждаю, что согласна на формат интенсива, прошу его прислать расписание, по которому ему будет удобно заниматься, и уточняю, где именно мы встречаемся и как организована занятость детей.

Ответ тоже приходит моментально. Мужчина сообщает, что бронирует нам проживание, трансфер, а для мальчишек – детскую комнату и инструктора на время моих с ним занятий.

Больше всего, как Рита и предсказывала, счастливы мальчишки.

– Мам, а мы точно поедем? – только и слышу от них в ближайшие дни.

– Точно, – отвечаю, улыбаясь.

Сборы не занимают много времени.

Дорога тоже получается какой-то короткой, хотя по факту мы едем не пять минут. Сначала привычные улицы, потом трасса, потом указатели на горнолыжный курорт, и ближе к месту появляется ощущение, что город остаётся позади, а впереди начинается территория отдыха.

На подъезде к экокурорту уже видны люди с лыжами, парковка, небольшая суeta, детские санки у входа. Сам комплекс рядом с Кунгуром, почти у города, так что всё выглядит живо, не глухо и не пусто.

Мы заходим в гостиницу, я регистрируюсь, получаю ключ-карту. Номер тёплый, простой, без излишеств – но нам этого достаточно. Быстро раскладываю вещи так, чтобы потом не искать по сумкам варежки и термобельё, ставлю обувь в ряд у двери и кидаю в сумку крем от мороза для детских щёчек.

Сыновья, конечно, уже на низком старте.

– Мам, на горку? – подпрыгивают у выхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.